

Цзигун выслушал рассказ, покачивая старым рваным веером, и вздохнул: — Эх, жаль, поистине как же это жаль...

Он пощелкал пальцами, прикидывая что-то в уме, и слегка нахмурил брови.

До него дошло, что корни той шайки разбойников, по всей видимости, по-прежнему тесно связаны с внутренними распрями в семействе Би. Однако с этой грязной семейной возней даже он в ту минуту посчитал себя не справляющимся — не зная, с какого края подступиться, он мог лишь качать из стороны в сторону головой и повторять: — Какая злая карма, поистине злая карма...

Тут он услышал, как Чжао Бинь делится подробностями того, как Чжоу Тяньэ исцелила людей, и в особенности тем, что ныне она вернула себе прежний облик, обладает высочайшим врачебным мастерством и держится спокойно и уверенно. На лице монаха появилось выражение облегчения, словно он говорил себе: «Я так и знал», — и он обратился к Чжао Биню, рассуждая как бы в самом себе:

— Сам погляди, сам погляди! Я ведь говорил! Эта самая Чжоу Тяньэ — благая дева, что накапливает заслуги и вершит добро, искусство врачевания у нее отточено до предела, а сердце мягкое. Теперь и шрамы с лица сошли — видишь, заслуги ее совершенны, а благословения переполнили её!

Он казался совершенно забывшим о том, как сам изначально отказался восстанавливать внешность Чжоу Тяньэ под предлогом её «жадности», и теперь, напротив, заговорил в таком тоне, будто это подтверждало его собственную прозорливость:

— Вот к чему я веду: у человека главное — чтобы были способности да чистые помыслы в сердце, а Небеса уж точно не обидят. Раз она нынче обладает таким мастерством, таким нравом, чего ей еще желать? К чему было с самого начала так цепляться за эту внешнюю оболочку? Посмотри на всё проще, разве не стало бы всё вокруг прекрасно?

По его разумению, нынешнее «совершенство» Чжоу Тяньэ как раз доказывало, что его тогдашний отказ помочь был верен — он позволил ей самой «вырастить» себе благую карму.

При этом он избирательно упускал из виду все те усилия и внутреннюю борьбу, через которые она прошла ради этого, и тем более был не в силах уразуметь, что для жертвы несправедливости «вернуть то, что изначально принадлежало ей по праву» само по себе является высшей справедливостью и не имеет никакого отношения к «жадности».

Вся его излюбленная философия из серии «отпусти, и обретёшь» перед лицом обнаженной боли человека, с которым поступили несправедливо, выглядела донельзя напыщенной и высокомерной.

Слушая пересказ рассуждений Цзигуна о том, что «непомощь — это и есть помощь» и «стоит

лишь посмотреть на всё проще», Чжоу Тяньэ в душе раз за разом холодно усмехалась.

Похоже, этот монах Цзигун, хоть и является воплощением архата Цлун, всё же не способен распознать магию, которую я творю, сплетая истоки пути духов с духовной энергией этого мира.

Системы культивации разные, и это поистине весьма кстати.

Только вот все эти его высокоумные речи про «непомощь как помощь» — сущая нелепость!

Если следовать такой логике, он вмешался и «помог» Чжуан Хунсин, одарив ее несравненной красотой, но отняв голос, заставив ее под личиной фальшивой оболочки выйти замуж не за того человека ивергнуть в пучину состояния, когда жить не хочется, а умереть не дано — это в конце концов «помощь» или «вред»?

Если это «помощь», то должен ли он, этот живой Будда, именующий себя спасителем всех живущих в миру, понести свою долю кармического воздаяния за те злые плоды, что принесла подобная «помощь»?

Если он считает вмешательство в судьбу Чжуан Хунсин «предопределенной связью» и «помощью», а отказ вернуть мне мой первоначальный облик — проявлением «нестяжательства» и «помощью через отказ помогать», тогда что же получается?

Разве все критерии добра и зла в этом мире, вся предопределенность кармических связей целиком зависят от каприза одного лишь Даоцзи?

Что он назовет жадностью — то и жадность, что назовет судьбой — то и судьба.

Кого он соизволит благосклонно заметить — тот и грешником будучи спасен будет; на кого он посмотрит с неприязнью — тот и пострадав, окажется алчным.

Какая превосходная, творимая по собственному произволу дхарма! Какое поистине двуличное божество!

Чжоу Тяньэ лично проводила всю эту процессию семейства Би до самых их ворот.

Стоило лишь переступить порог, как в усадьбе Би поднялся невообразимый переполох.

Госпожа Би бросилась к бесчувственному сыну и заголосила, разрывая душу:

— Сыночек мой! Какой же изверг с черствым сердцем довел тебя до такого?! — Ее

пронзительный плач звучал так, будто она собиралась сорвать крышу с дома.

Би Паньцюань тоже крутился рядом, притворно подвывая, но то и дело косился на стоявшую неподалеку старшую невестку с толстым слоем марли на лице, и на душе у него скребли кошки.

У старшего брата оказалась на редкость живучая шкура — даже в таком положении не окочурился!

А теперь взглянуть на эту невестку... Тьфу, какая жалость до чего пропала бабенка; если бы старший брат откинулся, эта красотка, глядишь, могла бы...

Эх, да только лицо изуродовано, какая неудача!

План Фан Хун провалился, и от досады у нее зачесались руки, однако на лице она изобразила глубокую скорбь и тревогу, обратившись к Чжоу Тяньэ:

— Благодарю вас, лекарь Чжоу, что проводили их. Вот деньги за лекарства, вы изрядно устали, ступайте домой.

Она протянула серебро; тон ее был вежлив, но в нем отчетливо звучало требование убираться вон.

Чжоу Тяньэ приняла монеты, окинула взглядом это сборище лицемеров, где каждый замыслил что-то свое, и лишь мысленно усмехнулась.

Люди поистине рождаются мастерами актерской игры; пожалуй, ей самой стоит поучиться этому искусству взаимного обивания углов — в будущем еще пригодится.

Ничем не выдав себя, она вновь укрепила след духовной энергии, оставленный в усадьбе Би, чтобы ей было сподручнее ежедневно «любоваться» на представление в исполнении этого семейства.

Зрелище доставляло ей такое удовольствие, что в последующие дни она за обедом съедала на пол-пиалы больше обычного.

Сперва Би Панань, очнувшись и узнав, что это Чжуан Хунсин «не щадя жизни» спасла его, и впрямь испытал прилив небывалой нежности — ему показалось, что супруга питает к нему глубокие и искренние чувства, и их угасший было огонек взаимной привязанности словно вспыхнул с новой силой.

Однако стоило ему собственными глазами увидеть лицо жены после снятия повязок — с тем

жутким, безобразным шрамом, до неузнаваемости исказившим ее черты, — как это умиление вмиг испарилось наполовину, будто на него плеснули ушатом ледяной воды.

Хрупкий росток зарождающегося чувства оказался столь хрупким перед лицом утраченной красоты, что сломался от малейшего дуновения.

А госпожа Би и вовсе возложила всю вину на Чжуан Хунсин, целыми днями тыча в нее пальцем и бранясь: — Проклятая девка! С тех пор как ты переступила этот порог, в доме не было ни минуты покоя! А теперь ты еще и накликала на моего сына такую беду! Мало того, что немая, так теперь еще и страшилище уродливое! Женьба на тебе стала для нашего рода Би величайшим проклятием за восемь поколений!

Вдобавок Би Паньцюань с Фан Хун беспрестанно подливали масла в огонь и раздували пламя, так что Би Панань начал глядеть на Чжуан Хунсин с возрастающей неприязнью, и чем дальше, тем сильнее она вызывала у него омерзение.

Их первоначальная благодарность испарилась без следа, сменившись побоями, бранью и самыми грязными оскорблениями.

— Чучело уродливое! От одного взгляда на тебя кусок в горло не лезет! И слова сказать не умеешь, на кой чёрт ты мне сдалась?!

Он даже открыто принялся присматривать себе новую пассию, вынашивая планы взять в дом еще одну смазливую наложницу, втайне подумывая: если эта новая жена придется ему по душе, то со временем он вполне сможет возвысить ее до законной супруги.

Чжуан Хунсин просто не верила, что семейка эта способна опуститься до такой мерзости!

И уж тем более она не ожидала, что Би Панань окажется столь неблагодарной, бессердечной тварью!

Она — его законная жена, принявшая на себя удар и лишившаяся лица ради него, а он не только не благодарит ее, но меняется в лице с такой стремительностью и намерен оскорбить ее поиском новой зазнобы!

Как могла стерпеть подобное ее прежняя взрывная и крутая нравом натура?

Она принялась в бешенстве крушить миски и горшки, с криками и толкотней кидаться на Би Пананя в драке, превратив особняк семьи Би в сплошной кошмар.

Среди этих ежедневных ожесточенных ссор и предельного нервного напряжения она вдруг заметила, что ее горло словно отпустило — она вновь обрела способность кое-как, пусть хрипло и отвратительно, но все же членораздельно издавать звуки!

Когда Чжоу Тяньэ «увидела» эту сцену с помощью магии, ей захотелось захлопать в ладоши от восторга.

Драка! Пусть дерутся!

Она приветствовала происходящее: в этом змеином гнезде не было ни единого приличного человека, так что пусть грызутся меж собой, пока клочья не полетят!

Сама же Чжуан Хунсин приписала возвращение голоса целительному действию того лекарства «надежды», что дала ей Чжоу Тяньэ.

Она искренне уверовала, что снадобье возымело эффект.

Обретя дар речи, она излила всю накопившуюся в сердце обиду, ярость и горечь в потоках самых ядовитых словесных стрел, сцепившись в словесном бою с Би Пананем и его домочадцами!

С той поры усадьба Би каждый день походила на базарную площадь: площадная брань не умолкала ни на миг, а вопли, проклятия и звон разбитой посуды сотрясали воздух.

Ближайшие соседи, измученные до предела, то и дело жаловались друг другу:

— Какую же скверну мы накликали! Опять грызня с самого утра, когда же житья-то не будет!

Для семейств, обитавших поблизости от особняка Би, эти дни превратились в сущее наказание.

Не успел наступить полуденный час, как из-за высоких стен вновь донеслись звон бьющейся утвари, пронзительные крики ссорящихся мужчины и женщины, перемежающиеся с плачем и увещеваниями старухи — прямо не усадьба, а базар у городских ворот.

Сначала те из соседей, кто жил подальше и не знал подоплеки, воспринимали происходящее лишь как пищу для сплетен и повод посмеяться:

— Послушайте-ка, опять за свое! У этого семейства что старый, что малый — все одним миром мазаны!

— И то верно! Снаружи блеск, а внутри давным-давно все сгнило! Новая невестка переступила порог — и что вы думаете? Уже поговаривают, будто ее благоверный надумал брать наложницу, да подыскивает девчонок поволоклистей, сердце-то у него чернее сажи!

Маленькая Цуй, продававшая цветы на углу улицы, перебирая корзину, шепталась со знакомой

монахиней:

— Ох, матушки, вы и не представляете! У этой старшей невестки из дома Би, говорят, лицо изуродовано напрочь — и все ради того, чтобы муженька своего спасти! А в ответ? Хех! Ни одна душа в их доме добром ее не помянула, молодой господин Би тут же собрался привести в дом новую красавицу, совсем совесть псам скормили!

На соседнем чайном столике молодой человек в ученом халате, явно знающий какие-то секреты, таинственно понизил голос: — То, о чем вы толкуете, еще цветочки! Знаете ли вы, как звали эту старшую невестку раньше? Не Чжуан Тяньэ, а Чжуан Хунсин.

Говорят, внешность у нее была... мягко говоря, незавидная.

Но самое странное — в брачную ночь она прямо на глазах преобразилась, да так, что стала просто неопишуемой красавицей! И при этом онемела.

А нынче лик ее сгинул — хех, и угадайте что? Она вдруг снова заговорила!

Только голос-то у нее — хриплый, противный, словно медный таз треснул!

Вскоре нашлись и старожилы, осведомленные обо всех прежних делах, заговоривших о событиях былого.

— Эх, какое злодеяние! Вы, верно, позабыли: давеча та самая лекарь Чжоу, что открыла лавку Цзичуньтан и славится своим искусством, лицо-то свое потеряла как раз спасая эту самую Чжуан Хунсин! А теперь и сама Чжуан Хунсин получила по заслугам, истинно говорят — Небесный Путь делает полный круг!

Слухи и сплетни, словно отравив крылья, закружились над всем городком Хуатянь.

Постепенно праздное любопытство сменилось глухой тревогой и отчуждением.

— Что-то нечисто в этом семействе, от корней до макушки отдает скверной!

— И то верно! А эта Чжуан Хунсин — так та вообще какая-то уродливая нечисть! То она страшная, то писаная красавица, то немая, а то вдруг заговорила... Разве ж так ведет себя нормальный человек?

— По мне, лучше держаться от этих людей подальше. Помыслы грязные, да еще вокруг столько странностей творится — глядишь, и вправду завелся какой-нибудь ёкай или демон!

— Верно, верно! Как бы беду не накликать!

Прежде забавлявшиеся соседи теперь смотрели на алые ворота особняка Би с затаенным страхом и брезгливостью, наказывая своим домашним и детям обходить это место десятой дорогой.

В глазах жителей городка Хуатянь семейство Би превратилось в проклятый угол, где не прекращаются смуты и творится чертовщина.

В последние дни те горожане, что заходили в лавку Цзичуньтан за лекарствами или на осмотр, то и дело норовили с озорным языком подступиться к лекарю Чжоу.

Воспользовавшись моментом в ожидании рецепта или сразу после приема, они спешили поделиться «радостной вестью» — пересказывали ей всю эту свару в доме Би, где муж с женой бранились без конца, и новые невероятные слухи, ходившие по городу, поднося их как самую свежую комедию.

— Доктор Чжоу, вы и впрямь не слыхали! Вчерась у Би опять до полуночи орали.

Этот сынок-то муженьков обзывал жену проклятой бедой, а она — та самая Чжуан Хунсин — драла свое луженое горло, крича, что он бездушная тварь и неблагодарный пес! Ох, батюшки, до чего же мерзко ругались!

Одна пузатая тетка с корзиной овощей наперебой жестикулировала, не в силах сдержать торжествующей улыбки.

Другой старик поглаживал бороду, качая головой: — По мне так поделом им, это воздаяние!

Как эта девка Чжуан Хунсин поступала с вами в свое время, весь городок видел своими глазами! А нынче гляньте, что творится... Тьфу ты, Небеса наконец-то открыли глаза!

Никакого особого зла они не замыслили и вовсе не стремились раздуть огонь.

В их простых понятиях о добре и зле лекарь Чжоу была обиженной хорошей женщиной, а раз уж негодяи получили по заслугам, то столь отрадной вестью непременно следовало поделиться, чтобы доктор Чжоу утешилась и отвела душу.

Чжоу Тяньэ обычно просто молча слушала, не прекращая толочь травы в ступке или выводить кистью иероглифы.

Изредка поднимая взгляд на пламенные лица соседей, она чуть кивала и отвечала тихим голосом: — Ох? Вот как.

Либо добавляла: — В делах земных всегда есть своя причина и следствие.

Она не проявляла излишнего участия, но и не обрывала говорящих, и эта невозмутимая безмятежность лишь укрепляла в глазах окружающих образ человека «глубокого ума» и «здорового нежелания излишне расточать доброту».

<http://bllate.org/book/21973/2282993>